

По уже сложившейся традиции...

По уже сложившейся традиции, предвзяв очередной выпуск альманаха «Религия. Церковь. Общество», мы обращаемся к тем событиям религиозной жизни 2018 г., которые могут претендовать на статус актуальных. Анализируя динамику религиозной ситуации в целом, мы должны констатировать, что векторы ее развития кардинально не изменились, что не только говорит об устойчивости религиозных процессов, но и позволяет предполагать их значительную сбалансированность.

Продолжившаяся в 2018 г. академическая институционализация теологии в отечественном научном пространстве уже не взывала к острой общественной дискуссии, и задорные вопли «Караул! Наступает мракобесие!» со стороны наиболее радикальной части «борцов за свободомыслие» сменились сентиментально-разочарованными интенциями «Ну что поделаться?». Трудно прать против рожна и плевать против ветра в колодець: существование научной теологии сегодня является очевидным фактом и спорить с ним бессмысленно. Полагаем, что дальнейшее развитие научной теологии приведет к значительному прогрессу в изучении религий, поскольку позволит обогатить научный инструментарий религиоведения методами теологического исследования. Можно предположить, что дихотомия теология/религиоведение все больше и больше будет утрачивать содержание, по мере формирования комплексного научного подхода изучения религий, который будет совмещать различные методы и подходы.

Проходившая в 2018 г. Международная конференция «Религиозная ситуация на Северо-Западе: традиционные религии & религиозные традиции» высветила ряд концептуальных и терминологических проблем, явно заслуживающих внимания.

Как ни странно, но термин «традиционные религии» сегодня нуждается в апологетике. Современное религиоведение — мне уже приходилось говорить об этом — отличается высокой степенью политизации. И, как это часто бывает, право на академическую самостоятельность оценок часто приносится в жертву политической и идеологической ангажированности: формируется этика двойных стандартов,

позволяющая использовать научные дискуссии для продвижения различных идеологем.

Так и с термином «традиционные религии»: проблема двойных стандартов состоит в том, что утверждение о том, что, например, «буддизм является традиционной религией Таиланда», как правило, не вызывает возражений, но тезис о том, что «православие традиционно для России», способен вызвать *odium* — спровоцировать яростные обвинения во всем том, что либерально-атеистическая идеология объявляет своего рода «смертными грехами». Почему-то принято считать, что признание именно православия традиционной религией нарушает права религиозных меньшинств, является «идеологическим обслуживанием режима», инквизиторской борьбой с инакомыслием, *etc.*, *etc.*, *etc.*

На самом деле нужно обладать весьма болезненной фантазией для того, чтобы из нейтральной констатации вывести столь богатое идеологическое содержание. Вынуждены, однако, констатировать: никакого идеологического содержания, равно как никаких конспирологических мифологем, данный термин не выражает.

Тезис о том, что Солнце больше Луны, не является для последней дискриминационным, а наличие Слона еще не делает Моську его конкурентом. Когда в научном дискурсе говорится о традиционной религиозности, это не является основанием для требования преференций одним и дискриминации других. Вернее, преференции могут требовать кто угодно и за что угодно: за любовь к квасу или плавно-тягучий скандинавский акцент. Но эти требования — «яко тает воск».

Когда мы говорим о традиционных религиях — речь идет исключительно о констатации исторического факта, который состоит в том, что одни религии, существующие в каком-либо государстве в качестве социально значимой величины на протяжении столетий и тысячелетий, формируют духовную культуру народа, а другие — нет. Требование всеобщего равенства не обязательно предполагает равенство по низшему уровню, наиболее продуктивным оно будет тогда, когда в качестве эталона будут обозначены максимально высокие рубежи, поэтому

и статус традиционной религии нужно воспринимать как приглашение к созидательному труду — потрудитесь, совершенствуя формы социальной культуры, и благодарное общество в итоге признает вас традиционными.

Отказ от понятия «традиционная религия» из псевдополиткорректного страха «обидеть нетрадиционных» в итоге может привести и к отказу от таких понятий, как «религиозное искусство», «религиозная философия», — ведь не у всех конфессий в этих областях есть общепризнанные достижения. Споры о некорректности термина «традиционные религии» хорошо иллюстрируют тенденцию принесения исторической справедливости в жертву политической конъюнктуре.

Разумеется (и с этим никто не спорит), термин «традиционные религии» содержит отсылку к некоторым критериям, значение которых еще нужно прояснить. Понятие традиционности действительно является дискуссионным, и такая дискуссия может быть вполне уместной и продуктивной.

Но уже сейчас наличествует общественный консенсус, согласно которому, по оценочному суждению наших сограждан, в российском социуме представлены и традиционные религии, состав которых является весьма устойчивым, и религии, которым традиционными еще предстоит стать.

Разумеется, термин «традиционные религии» не может рассматриваться как термин абсолютный. Не существует традиционных религий «вообще» — традиционная религия является таковой в условиях строго очерченного хронотопа — единства пространственно-временных характеристик. Традиционное в одном регионе может оказаться совершенно неизвестным в другом. Но это относится не только к религиозной культуре, таково свойство традиции как таковой.

Еще необходимо отметить, что «традиция» вовсе не синоним «архаике». Традиция существует только тогда, когда она не просто усваивается при передаче некоего культурного кода от поколения к поколению, но когда она актуализируется в качестве значимого и ценного содержания культуры. В этом состоит креативный потенциал традиции: обеспечивая преемственность культуры, традиция является мотивирующей

силой, побуждающей человека участвовать в непрерывном процессе культурного созидания. Поэтому живая традиция не может устареть: утрачивая актуальность, традиция умирает, перестает быть источником творчества и созидания, превращается в архаику.

Существует большое упрощение, состоящее в том, что традиционное общество зачастую рассматривается исключительно как общество аграрное. На самом деле понятие традиционности не предполагает обязательной привязки к городу или деревне. Данный показатель является чисто формальным, по своей сути не способным вобрать все локусы традиционной культуры. Вполне возможна и «нетрадиционная деревня», и «традиционный город». В качестве примера «нетрадиционной деревни» можно указать, например, на набирающие популярность среди постмодернистского неоязычества «родовые поместья», в которых формируется некий симулякр традиционности, модернистский по своей сути. Одновременно с этим традиционный городской уклад, существующий не только в провинциальных, но и в столичных городах, позволяет утверждать существование городской традиционной культуры.

И уже верхом упрощения будет попытка ответить на вопрос о сущности традиции формально-хронологически: «традиционное — это то, как жили 50 лет назад». И 50, и 100, и даже 1000 лет сами по себе традицию не создают. Культурное развитие — процесс сложный и разнонаправленный, в нем всегда существовало движение, направленное к различным полюсам. Поэтому далеко не все, что может быть оценено как «старое» и даже «антикварное», является традиционным. Если какое-либо культурное явление быстро исчерпало свой продуктивный потенциал, не оказалось востребованным потомками, то к сфере традиции его отнести нельзя.

Еще нужно отметить, что в 2018 г. произошло значительное и вполне ожидаемое обострение религиозной ситуации на Украине, обусловленное попытками Стамбульского (Константинопольского) патриарха объединить неканонические православные украинские церкви в одну квазицерковь и предоставить ей канонический статус и «автокефалию». Данные события, хотя

имеют видимость церковно-канонических, на самом деле относятся сугубо к области политической, по сути являясь продолжением политического противостояния в современном мире, которым сопровождается переход к реальному многополярному политическому устройству. Политические амбиции Стамбульского архиерея позволяют не только поставить вопрос о механизмах канонического регулирования межцерковных юрисдикционных споров, но и явственно высвечивают проблему несоответствия сложившейся традиции реальному состоянию дел. Полагаем, что современный «стамбульский синдром» порожден не традицией, но именно архаикой, полностью растраченной свой потенциал.

Альманах «Религия. Церковь. Общество» продолжает серию междисциплинарных исследований, одной из целей которых является выработка корректных методов современного религиоведения. Основное внимание текущего выпуска уделено проблемам источниковедения, круг которых вызывает особенно острую дискуссию. Не является секретом, что критика «традиции» в наибольшей степени проходит при игнорировании источниковедческого дискурса и даже источника как такового. С другой стороны, очевидна проблема обработки значительного объема данных, манипуляции с которыми и являются традиционным источником спекуляций. Религиозная история Средневековья, будь то европейского или русского, находится на стыке представлений «ничего не было, попы все придумали» и «глаголаху же мнози от них». Предлагаемая публикация источников, как полагаем, призвана найти достойный компромисс в этой непростой дилемме. Работа эта, безусловно, требует длительного осмысления и не может быть решена моментально, однако видится нам необходимой составной частью религиоведческого исследования.

Следование критериям научной истины невозможно без обладания самой истиной, и следование это не является прихотью исследовательского сообщества, благо последнее не менее других склонно к экзальтации, но вынуждено соотноситься с существующими нормами знания и научными

школами. Не секрет, что отечественная школа религиоведения, хотя и не была утрачена в советские годы, развивалась в известных, очерченных ей рамках. Школа, лишенная этих шор, только формируется. И очень важно на этом этапе заложить надежный фундамент, который будет лучшей защитой от любых спекуляций.

Александр Михайлович Прилуцкий
д. филос. н., профессор,
РГПУ им. А. И. Герцена (набережная р. Мойки, д. 48/20а,
Санкт-Петербург, Россия, 191186)
alpril@mail.ru

Aleksandr Mikhaylovich Prilutskiy
Doctor in Philosophy, professor,
Herzen State Pedagogical University of Russia (naberezhnaya reki Moiki,
48/20a, Saint-Petersburg, Russia, 191186)
alpril@mail.ru